

РУССКОЕ ДИАЛЕКТНОЕ *ЖИТЕРА* ‘ЖИЗНЬ’ И ЕГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ*

В превосходном словаре Владимира Даля зафиксировано редкое диалектное слово русск. *житеры* с примечаниями *ж. мн.* (т. е. женского рода множественного числа) и с указанием на владимирско-суздальское (*влд.-сузд.*) наречие. Значение ‘жизнь’ снабжено вопросительным знаком.¹ Другой лексикон, который отмечает данное слово, – это “Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук”, т. 2 (который, как известно, редактировал акад. А. А. Шахматов), СПб. 1898, стб. 554. Привожу всю словарную статью с раскрытием сокращений:

Жите́ра, -ы, ж<енского рода> ‘жизнь’. *ЖИТЕ́РЫ*: Судог<одский уезд Владимирской губернии> (“Московитянин” 1852). *Жите́ра*: Судог<одский уезд Владимирской губернии> (Сборник II Отд<еления русского языка и словесности Императорской Академии Наук>, т. VIII). – Ср. по образованию сл(ово) *пите́ра*.²

По имеющимся в моем распоряжении данным, в журнале “Московитянин”, издававшемся М. П. Погодиным, в части 4-й книжки за 1852 г. напечатана статья “Старинные и местные слова города Судогды Владимирской губернии”. Наконец, в девятом выпуске “Словаря русских народных говоров” (далее – *СРНГ*), вышедшем в Ленинграде в 1972 г. под редакцией Ф. П. Филина, дана следующая справка (с. 189):

Жите́ра ‘жизнь’. Слов. Ак. 1898 (без ук. места) *житеры* мн. (удар.?) ‘жизнь’. Судог. Влад. 1851. Сузд. Влад., Даль (с вопросом к знач.).

---

* Еще в 70-х годах мне довелось выступить перед учеными Словарного кабинета им. Б. А. Ларина на филологическом факультете ЛГУ с докладом о русск. *пите́ры* и *едеры*. Я глубоко удовлетворен тем, что могу посвятить данную статью ученому Санкт-Петербургского университета, ушедшему из жизни в расцвете творческих сил профессору Александру Зайцеву.

¹ Вл. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка* (М. 1955; перепечатка 2-го издания Словаря [СПб. – М. 1880–1882]) II, 545 (в последующих ссылках – *Даль* с указанием тома и страницы). В издании 1903–1909 гг. осуществленном под редакцией И. А. Бодуэна де Кургенэ (репр. – М. 1994), интересующее нас слово дается с ударением на первом слове – *житеры* (I, 1356).

² Этот том *Сб. ОРЯС* вышел в Санкт-Петербурге в 1872 г. Здесь помещена работа “Слова, собранные И. А. Белиным по Владимирской губернии” (под ред. А. Ф. Бычкова).

Как видно, этот новейший труд по русской диалектной лексике довольно неточно и небрежно воспроизводит вышеприведенные фиксации интересующего нас слова. Во-первых, в приведенной выше статье словаря Второго отделения Императорской Академии Наук даны источники и указание на говор. Во-вторых, в бодуэновском издании словаря Вл. Даля зафиксировано место ударения в слове *жѣтеры*. В-третьих, первое упоминание слова относится к 1852, а не к 1851 г.

Таким образом, узко употребляемое слово, приводимое словарем Вл. Даля, а также словарем Второго отделения ИАН, приурочено к владимирско-суздальскому наречию и судогодскому говору Владимирской губернии и известно в двух вариантах, снабженных указанием на место ударения: *жѣтера, -ы; жѣтеры*. Как явствует из Словаря ИАН, оно встречается по крайней мере в двух вышеуказанных источниках. Колебания, которые еще наблюдались в отношении значения у Даля, сняты словарем Второго отделения ИАН. Все это дает мне основания не сомневаться в достоверности этого интересного слова. Имеется даже намек на его объяснение, если учесть примечание в словаре Второго отделения ИАН, отсылающее нас к слову *пѣтера*. Воспользовавшись этим указанием, постараюсь его расширить и углубить.

Параллелизм между производными от глагола *жить* и глагола *пить* простирается далеко, ср. *жѣтье – пѣтье; жѣтеры – пѣтеры; жѣтера – пѣтера*. Какие имеются источники, которые могут проиллюстрировать русск. диал. (и фолькл.) *пѣтеры, пѣтера*? Для *пѣтера* можно привести упоминание в том же словаре Вл. Даля (*Даль* III, 116):

Пѣтера ж. арх.-ш<е>нк<урское> 'питье, напиток, пойло'.

Что касается формы *пѣтеры*, то ее можно трактовать двояко: во-первых, как форму вин. мн. к **пѣтеръ* м. р. или как форму вин. мн. к **пѣтера* ж. р. и, во-вторых, как форму род. ед. ч. к **пѣтера* ж. р. Не имея контекста, трудно более точно определить эти формы. Исходя из материалов, имеющихся в моем распоряжении, можно предположить следующие формы: **пѣтеръ* м. р., **пѣтера* ж. р. и **пѣтеро* ср. р., хотя мне кажется, что лучше всего засвидетельствована форма м. р. **пѣтеръ*.

Еще один аргумент говорит о тесной связи слов *жить* и *пить* – а именно некоторые русские пословицы; ср. *Даль* III, 115–116:

(1) *Где ни жѣть, там и пѣть.*

(2) *Век жѣть, век пѣть!*

(3) *Без пѣтья не жѣть, да и о пѣтье не жѣть.*

Несмотря на это, вопрос о возникновении форм *ж́итеры*, *ж́итера* остается не вполне выясненным.

В данной заметке я предлагаю объяснение, учитывающее некоторую связь между формами *ж́итеры*, *ж́итера* с одной стороны и *п́итеры*, *п́итера* с другой, принимая при этом во внимание еще и ряд других обстоятельств.

В докладе на международном симпозиуме по этимологическому и историческому изучению славянской лексики в Лейпциге (1972 г.) я впервые сообщил о найденной мною новой *r*-основе для праславянского языка, восходящей к индоевропейскому типу гетероклитических основ на *-r-//-n-* в виде **ēd-er-*.³

Моя реконструкция этой *r*-основы зиждется на двух рядах фактов: во-первых, на древней стереотипной формуле о питии и еде (ср. немецк. *Speis und Trank*) в языке русского фольклора и русских народных говоров и на одном свидетельстве слова *éderь* (или *édero*) в нефольклорном среднерусском памятнике середины XVII века. Ср.:

(4) *Мал чяс пойзойдучи, приѣхали ис поля добрые молодцы его удалые, привезли п́итеры и п́идеры всякие;*⁴

(5) *...Сажаеть его за дубовый столъ, / За тѣ п́идера сахарныя, / За то поило разное пьяное;*⁵

(6) *Много было у батюшка и п́итеру и п́идеру, т. е. питья и яства;*⁶

(7) *Тут вам и п́итер и идер (питье и еда), сладше и падше меды и патоки;*⁷

(8) *Не могут никак наносить, ни п́итеры и п́идеры. Все приели...;*⁸

(9) *Там вам п́итеры да едеры;*⁹

(10) *Рюмку вина наливал, п́итей-едер становил;*¹⁰

(11) *Спустил коня-то, а сам зашел в погреб, тут п́итера и ядера всяко;*¹¹

³ См. мою работу "О значении балтийских языков для славянской этимологии" в сборнике материалов упомянутого симпозиума: *Slawische Wortstudien* (Bautzen 1975) 48–60.

⁴ П. Г. Ширяева, В. А. Кравчинская. Две былины в записях конца XVII–XVIII вв. // *ГОДРЛ VI* (М. – Л. 1948) 353.

⁵ *Великорусские народные песни, изданные А. И. Соболевским IV* (СПб. 1898) 260.

⁶ Г. Куликовский. *Словарь областного олонецкого наречия* (СПб. 1898) 31; 82.

⁷ Л. Н. Майков. *Великорусские заклинания* (СПб. 1869) 78.

⁸ Б. и Ю. Соколовы. *Песни и сказки Белозерского края* (М. 1915) 202.

⁹ *СРНГ 8* (Л. 1972) 320.

¹⁰ М. А. Караулов. Материалы для этнографии Терской области: Говор гребенских казаков (*Сб. ОРЯС 71* [СПб. 1902]) 59. Здесь же находим примечание: "встреч<ается> лишь в песнях".

¹¹ *Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи*. Изд. подгот. А. М. Астахова и др. (М. – Л. 1961) 214.

(12) ...*косил силу-армию ... без питеру, без едеру, безо сну*:¹²

(13) средне-русск. ...*велели отпустить для проса в Шелехову Кабарду к Кенмамету Ибакову купить на едеру, что не стало у них хлеба*.¹³

Как видим, эта старинная формула встречается в языке фольклора (былин и народных песен) и в русских народных говорах (примеры [4] – [12]): известна она и в иных народно-поэтических традициях, нередко содержащих архаичные элементы.¹⁴ Пример (13) представляет единственное свидетельство из нефольклорных текстов и поэтому особенно ценен. В нем отражается противопоставление зерна, предназначенного для еды (ср. русск. диал. *эмины* к *емя из прасл. *ēdmę < **ēdmen-* и *эдера* из **ēd-e-r-*), и зерна, предназначенного для посева (*семя*), в формулах типа *на семена и на емены*.¹⁵

Второй ряд фактов – это свидетельства об отчетливых следах индоевропейской *-r-//n-* основы в хеттск. *etri* < *edri ‘блюдо, кушания, еда’; лувийск. *adri* ‘еда, кушанье’; греч. гомеровск. *ἔδραρ*, *ἔδρατος* < *ἔδραρ* ‘кушанье, корм’ (которое восходит к **edr-* // **ednt-*) и лит. *ėdrà* ‘пищевые продукты, корм, пища; обжорство; средства для жизни’: *ėdrinėti* ‘есть (о скоте); пасти’ и *ėdrūs* ‘прожорливый’. Этим доказыва-ется, что в формуле *питеры и едеры*, а также в бинамах *едера-пойло*, *питей-едеръ*, слово, обозначающее пищу, еду, является более древним, чем другой член (*нитеры*), служащий для обозначения ‘напитка’, ‘пойла’ и т. д. Прасл. *ederъ (возможно и *ědero, *ědera) восходит к индоевропейской гетероклитической основе, в то время как слово *pitеръ (*pitero, *pitera), связанное со словом *pivo* ‘(первоначально) напиток вообще’, *poilo* (см. пример [5]), является славянским новообразованием – т. е. словом несомненно более позднего происхождения, чем *ederъ (*ědero, *ědera).

Таким образом, слово *pitеръ – это не продолжение индоевропейской гетероклитической *r-*основы, а вторичное образование, возникшее под влиянием древней *r-*основы *ěderъ – пример того, что называ-

¹² *Былины Севера* I: Мезень и Печора. Записи, вступ. ст. и комм. А. М. Астаховой (М. - Л. 1938) 509.

¹³ *Посольство стольника Толочанова и ояка Иевлева в Имеретию 1650–1652*. Документы издан и введенным снабдил М. Полиектов (Международные сношения Грузии с иноземными странами I. Тифлис 1926) 108.

¹⁴ В моей статье “Zu den Kontinuanten heteroklitischer *-r-//n-* Stämme im Slawischen und Baltischen” (*Atti del VII convegno internazionale di linguisti tenuto a Milano nei giorni 12–14 settembre 1984* [Brescia 1987] 269) я привожу соответствующие материалы из языка албанской эпической народной традиции.

¹⁵ См.: *ibid.* 272. – Что касается русск. диал. *емины*, см.: *Этимологический словарь славянских языков*: Проспект. пробные статьи (М. 1963) 50–51.

ют *Reimbildung*. Это явление довольно часто встречается как в народно-поэтических формулах, так и в асинтетических образованиях, в так называемых бинамах. Ср.:

(14) русск. диал. (около Смоленска) *У первого хозяина мы были приняты, и питеньё, и еденьё, и постеля была постлана;*¹⁶

(15) укр. *Там тобі питіння, там тобі їдіння, там тобі одпочивання. По-зоставилось і питуме й їдуме;*¹⁷

(16) русск. диал. (олонецкое) *Страус и начал на стол питеньё-еденьё готовить...*¹⁸

(17) русск. фолькл. *А за ть петенья- ъденья дакъ разнолисьня. / А ишие туть же калики пообъдали...*¹⁹

М. Фасмер в своем "Этимологическом словаре"²⁰ сравнил упомянутый *пiтер* по своему образованию с *iдер*, но этим и ограничился, оставив тем самым формулу *питеры* и *едеры* без объяснения.

Подобно тому как *пiтер* является вторичным образованием по отношению к древнему *едер* (*едеро*, *едера*), восходящему к индоевропейской гетероклитической *r*-основе, образования *житера*, *житеры*, я считаю, тоже возникли как *Reimbildungen*, к **pitera*, **pitery* и, через последние, к **ĕdera*, **ĕdery*. На особую связь между производными от прасл. *žiti* и *piti* я уже указал выше. Впрочем, в единичных русских пословицах наряду с *есть*, *пить* встречается и *жить*:

(18) *Каковá еда да питьё, таково и житьё;*

(19) *Наши деды живали да мед пивали, а мы живем, ни едим, ни пьем.*

Близость слов *пiтеры* (*пiтера*), *житеры* (*житера*) и *едеры* (*едера*) по смыслу, часто приводившая к их употреблению вместе и рядом, способствовала тому, что могли возникать стереотипные формулы, в которых компоненты находились в тесном взаимодействии. Так создались благоприятные условия для возникновения рифмованных вторичных образований (*Reimbildungen*), а именно для развития форм *пiтеры* (*пiтера*) по образцу *едеры* (*едера*), а также форм *житеры* (*житера*) по образцу *пiтеры* (*пiтера*) и, может быть,

¹⁶ СРНГ 8. 320.

¹⁷ Б. Грінченко. *Словарь української мови* II (Київ 1908) 196.

¹⁸ СРНГ 8. 320.

¹⁹ *Архангельские былины и исторические песни, собр. А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.* III (М. 1910) 51 (цит. по *Картоотеке Словаря древнерусского языка XI–XVII вв.* [Институт русского языка РАН, Москва]).

²⁰ M. Vasmer. *Russisches etymologisches Wörterbuch* II (Heidelberg 1955) 362.

даже по образцу первоначальных *édery* (*édera*), являющихся континуантами древней индоевропейской гетероклитической основы на *-r-*.²¹

Райнер Эккерт
Берлин

Das seltene russische Dialektwort *жүтеры*, auch *жүтера* 'Leben' ist durch eindeutige Belegungen in V. Dal's *Erklärendem Wörterbuch...* und im *Wörterbuch der russischen Sprache, zusammengestellt von der 2. Abteilung der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften* recht gut gesichert. In Form und Betonung stimmt es weitgehend mit russ. *нүтеры*, auch *нүтера* 'Trank, Getränk, Trunk' überein. Letzteres kommt im formelhaften Ausdruck *нүтеры и эдеры* (auch als Binomen *нүмей-едер*) in der Sprache der russischen Folklore vor, in einer Wendung, die auch in anderen Sprachen stereotyp für 'Speis und Trank' gebraucht wird. In einer Arbeit aus dem Jahre 1975 habe ich von meiner Entdeckung Mitteilung gemacht, daß in dieser Formel der urlawische **r-*Stamm **ēderь* bzw. **ēdero* enthalten ist. Dieser noch im Urslawischen in die **o-*Stämme überführte **r-*Stamm ist ein Fortsetzer des indogermanischen **r-//n-*Stammes (bezeugt durch heth. *etri* 'Gericht, Speise'; gr. homer. *εἶδαρ, εἶδατος* < *ἔδφαρ* 'Essen; Futter' und lit. *ėdra* 'Lebensmittel; Futter; Essen; Völlerei'). In Anlehnung an die *r-*haltige Form ist in der erwähnten Formel als urlawische Neuerung **piterь, *pitero, *pitera* entstanden, abgeleitet von der Wurzel **pī-* (in ursl. **pīvo* 'Getränk'). Ähnlich läßt sich die Entstehung von eingangs erwähntem *жүтеры, жүтера* erklären, nämlich ebenfalls als Reimbildung zu *нүтеры, нүтера* bzw. *эдеры, эдера*.

²¹ Более подробно о продолжениях (континуантах) индоевропейского гетероклитического имени от корня **ed-* в праславянском см. мою работу "Studien zur Geschichte der nominalen Stammbildung im Slawischen" // *Zeitschrift für Slawistik* 19 (1974): 4, 489–506.